

/~/

Наруто рефлексивно моргнул, когда солнце сверкнуло на полированной стали. Блондин провел пальцем по кромке клинка, молча восхищаясь мастерством, которое было хорошо заметно. Двенадцатилетний юноша не был экспертом по клинкам, но качество он видел сразу. Баланс был идеальным, сталь безупречной, и весь меч, казалось, резонировал с эффективностью, вплоть до матово-черной гарды и рукояти.

Чуунин не преминул поблагодарить Хаяте за подарок.

Блондин уже не в первый раз восхищался ниндзято, подаренным ему джонином Токубецу, и не думал, что в последний. Наруто, конечно, оценил этот жест, но еще больше он оценил бы его, если бы тот потрудился осчастливить Наруто своим присутствием. Они договорились встретиться у Архива шиноби в половине одиннадцатого, а сейчас было уже без четверти двенадцать.

Мысли невольно переключились на воспоминания о другом опоздавшем шиноби, и Наруто перевёл взгляд на Архив и со вздохом покачал головой. Он предпочитал традиционные красно-белые цвета Архива, цвета Конохи, а не оранжевые, как сейчас.

Он, как и многие другие уважаемые заведения, стал жертвой проделки Сарутоби Конохамару. Наруто было интересно, чем Архив или люди в нем вызвали гнев мальчика. Не похоже было, что студент Академии в шарфе часто посещает это здание; мальчик был слишком сосредоточен на детских забавах вроде той, что была перед ним, вместо того чтобы совершенствовать свои навыки шиноби.

Какая трата времени, - беззлобно подумал чуунин. То, что мальчик тратит время на детские шалости, вместо того чтобы использовать многочисленные ресурсы, имеющиеся в его распоряжении, для развития своих навыков, граничило с отвращением. Скорее всего, в деревне не было ни одной души, которая бы не слышала, как студент Академии заявляет о своей мечте стать Хокаге, и это не значит, что у мальчика не было шансов.

В его жилах текла кровь таланта. Юный Сарутоби обладал почти непревзойденной родословной: он был сыном уважаемого джонина - Сарутоби Рен погиб во время нападения Кьюуби - и внуком Сандайме Хокаге. Ко всему прочему, за каждым шагом Конохамару следил джонин Токубецу, которому платили за то, чтобы он учил мальчишку, как стать шиноби.

Наруто оставалось только гадать, насколько искусным он мог бы стать, будь в его распоряжении те же средства, что и в детстве, и с презрением относиться к явной нехватке навыков у юного Сарутоби. По словам Мизуки - одного из инструкторов мальчика по чуунинам, - он был добером класса, последним. Позор Сандайме и Конохи в целом, что мальчик был таким неумелым.

Наруто, по крайней мере, довольствовался тем, что примерно половина деревни, похоже, была согласна с его оценкой мальчика. На мальчишку сыпались суровые взгляды и ухмылки, хотя

никаких других внешних признаков неприязни не было.

Оглядываясь назад, Наруто подумал, что это довольно странно. Многие люди, примерно половина деревни, казалось, бросали на юного Сарутоби тяжелые взгляды, что не имело смысла, учитывая, кем был мальчик. Как внук Сандайме Хокаге, одного из величайших героев Конохи, он должен был получать взгляды восхищения и уважения, а не взгляды, граничащие с откровенной ненавистью.

Не мог же этот мальчишка разыграть всех, кто на него пялился. А даже если бы и мог, то эти шалости, хотя и были детскими и пустой тратой времени, были относительно безобидными. Некоторые даже были забавными.

Наруто с легкой ухмылкой вспомнил, как был свидетелем того, как продавцу в магазине в лицо попали шариком, наполненным краской, и он возмущенно зашипел, когда усатый преступник разразился хохотом. Наруто, как и многие другие, невольно посмеивался над судьбой несчастного.

Суровое обращение со стороны жителей деревни, тем более что это были не все жители, только усугубило загадку, которой был Сарутоби Конохамару. Тайну, которую Наруто не хотел разгадывать. Светловолосый двенадцатилетний мальчик - за четыре месяца, прошедшие с визита Сандайме, его день рождения уже миновал - вполне довольствовался тем, что позволял нахальному ученику Академии погрязать в собственной неумелости, не оставляя мальчику ни малейшего шанса.

Наруто, как и всегда, сосредоточится на своих целях.

А цели, как ему казалось, были как никогда легко выполнимы. Сколько бы блондин ни пытался преуменьшить свои способности, ведь скромность - важная черта шиноби, становилось все очевиднее, что он выделяется в рядах шиноби Конохи - по крайней мере, среди чуунинов. Это было совсем не похоже на трудолюбивого и скромного шиноби, каким он всегда себя представлял.

Чем дальше он находился в корпусе шиноби, тем очевиднее становилось, что он скорее отклонение от нормы, чем правило. Возраст был первым показателем, ведь он был самым молодым чуунином в корпусе, но дело не ограничилось этим.

Чем больше миссий он проходил с разными чуунинами, тем сложнее было не замечать различий между ним и его коллегами-шиноби. Там, где другие довольствовались своими навыками, он постоянно совершенствовался. Там, где другие ленились на более простых миссиях, он оставался непревзойденным профессионалом.

Это не значит, что среди шиноби не было тех, кто разделял его взгляды на карьеру, - отнюдь. У него почти еженедельно появлялись новые партнеры по тренировкам, так как он встречал все больше шиноби, желающих совершенствовать свои навыки с кем-то наравне или даже лучше их. Но даже среди них он выделялся.

Там, где они боролись, он преодолевал трудности. Там, где они сдавались, он упорствовал. И это было заметно.

Все больше и больше людей признавали и уважали молодого чуунина, чему в немалой степени способствовала его широко разрекламированная победа над Ива-нином. В отличие от первых дней его пребывания в корпусе, отмеченных отсутствием признания и уважения со стороны многих, сначала как неудавшегося генина, а затем как студента резервной программы, сейчас он получал признание от большего числа людей, чем мог вспомнить. По словам Мизуки и Хаяте, люди даже произносили слово "гений".

Проходящий мимо джонин с улыбкой кивнул в сторону Наруто. Блондин нерешительно улыбнулся в ответ, не зная и не узнавая этого человека.

Двенадцатилетнему юноше даже стало немного неловко, когда он начал отвечать на приветствия случайных людей, как шиноби, так и гражданских, которых он не знал. Он даже увидел несколько девочек примерно его возраста, довольно симпатичных, которые показывали на него и хихикали в его сторону. Странно!

Но не все так плохо, подумал он. Черт возьми, даже наполовину не плохо! Признание только поможет ему в поисках уважения, а если люди будут знать его имя, то ему будет легче найти кого-то, с кем он сможет остепениться, верно?

Наруто очень надеялся на это; он был бойцом, а не любовником.

Признание помогало ему продвигаться по карьерной лестнице, о чем свидетельствует предложение ANBU вступить в элитный отряд. Став АНБУ, он только укрепил бы свой престиж, ничего не говоря о своих навыках, и он намеревался извлечь максимум пользы из своей будущей службы. Получить желанную должность тайчо было непросто, но это было необходимо для достижения целей Наруто, так как звание капитана в отряде шиноби Хокаге гарантировало ему звание джонина по окончании службы.

В его понимании это была не мечта, а возможность. "Я не мечтаю, я делаю" - вот слова, которыми он жил. Это было его ниндо, его путь ниндзя.

"Наруто-кун", - раздался голос неподалеку, отвлекая блондина от его мыслей. Повернув голову, он увидел, что к нему направляется Хаяте с привлекательной фиолетововолосой женщиной на буксире. Он с удовлетворением отметил, что мужчина действительно нес свой ниндзякен - свидетельство того, что их дневной спарринг все еще был запланирован.